

Век. Москва. - 2000. - 15 июня. - с. 5

Обиженный ангел

Геннадий НАЗАРОВ: Мы начинаем смотреть на небо, только когда нам становится плохо

Открылась дверь квартиры, и... я увидела Чонкина — повзрослевшего, похудевшего, но самого настоящего. Передо мной стоял все тот же маленький человек с лицом обиженного ангела. Совсем недавно с Геней случилась беда — у него отказали почки. Его последняя роль до болезни — Бокр в сериале «Каменская», который только что прошел на телеэкранах.

Лада ЕРМОЛИНСКАЯ

— Ген, я довольно давно заметила, что есть имена, а есть лица. Кто такой Назаров, многие помнят, но стоит один раз тебя увидеть, как все становится ясно. Почему это происходит?

— Сейчас такое время, когда фамилии новых артистов мало кто знает. Стариков знают практически всех, а из молодых — почти никого. Когда я снимался в «Чонкине», кто-то из старшего поколения сказал: «Если б ты родился в наше время, ты был бы знаменит через три дня!» Зато люди на улице довольно часто со мной здороваются. Человек видит знакомое лицо и не может вспомнить, откуда — может, пили вместе, а может, это сосед или еще кто... Ну ничего, сейчас «Каменскую» посмотрят и сразу вспомнят! Пока же узнают в основном по «Курочке Рябе»: «Это тот, который в сортир проваливался!»

А бывает, в метро подойдут, снисходительно похлопают по плечу: «Ты чё это в метро едешь? Чё, машины нет?»

— У тебя образ обыкновенного простого человека. Вот тебя все за своего и принимают!

— Это точно, «на ты» переходят мгновенно! «Здравствуйте. Вы артист?» — «Да». — «Слушай, тут такое дело...» Я сначала обижался. Как это? Мы что, чай вместе пили?! Но теперь успокоился. Это же здорово, что мне удалось всех убедить! Тем не менее был период, когда я очень переживал по этому поводу. Было как-то обидно, что я не нервно-паралитический артист, не Смоктуновский.

— Расскажи о своих родителях. Кто они?

— Мама у меня — воспитатель детского сада, но сейчас она работает смотрителем в Музее Ермоловой. Отец разбился, когда мне исполнилось всего три года, и прямо в день похорон родился Киришкя, мой младший брат. Так что, мама воспитывала нас одна. Самое интересное, что в молодости она мечтала поступить в училище, в которое потом поступил я.

— Как ты попал в театральное училище?

— У меня есть друг Валя Донсков. Он режиссер, окончил ВГИК. Когда мы с ним познакомились, я работал в театре «Современник» художником-бутафором. Помню, мы болтали, потом пошли есть сосиски, и я все время что-то ему рассказывал, показывал... В конце концов он мне заявил буквально следующее: «Ты или больной, или тебе поступать надо!» Сначала я хотел поступать во ВГИК, где учился Валя, но в итоге попал в ГИТИС.

Трудно вспомнить, почему я на самом деле пошел в театральное. Скорее всего, мне просто нравилось общаться с людьми. Меня даже специально приглашали на свадьбы. На одной свадьбе я был тамадой, а на другую меня возили в качестве радио: «Ну, Геночка, ну поедем, потрындим немножко...»

Мне очень нравился процесс общения, именно поэтому я долгое время не мог подобрать себе профессию. Но однажды я понял, что в жизни у меня ничего не меняется! Зато трепаться могу бесконечно... Получилось так, что в 91-м году я поступил, а в 93-м уже снялся в «Чонкине». И полетело: Кончаловский «Курочка Ряба», Тодоровский «Какая чудная игра»,

еще — знаю, как краски пахнут. У меня сейчас очень странный период, переходный: я ушел от прежней жизни, но ни к чему конкретно пока не пришел. Очень смущает момент ограниченности передвижений. Врачи объяснили, что со временем организм перестроится, появятся силы и я смогу работать. Но пока что сил не очень много.

Мы всю жизнь смотрим куда-то не туда. Я это понял, лежа в палате, рядом с каким-то холодильником, из которого торчали шланги и что-то там качали. Этот здоровенный агрегат делал то, что обычно делает малюсенький орган! Оказывается, почки отвечают за такие вещи, которые мне и в голову не могли придти. Благодаря им мы думаем, соображаем и живем... Мы гениально устроены, но совершенно не подозреваем об этом.

Я в больнице познакомился с одним замечательным мальчиком, который заболел раком. У меня в палате стояли иконки, и как-то раз он меня спросил: «Ты верующий человек?» Я честно ответил, что пытаюсь быть верующим. И тогда он сказал: «Ген, почему мы начинаем смотреть на небо, только когда нам становится плохо?»

— Наверное, ты теперь много думаешь?

— Болезнь все во мне перевернула, как песочные часы. Все приоритеты поменялись. Если раньше театр был у меня на первом месте, то теперь он уехал куда-то туда, где ему и положено быть. Не знаю, стоит ли в этом признаваться, но у меня стали появляться очень горькие мысли по этому поводу. Все, что я раньше знал о театре, казалось мне, в общем-то, нормальным. Ну, подумаешь, где-то что-то не так — переживем! Как ни странно, кино вдруг стало мне более интересно, хотя раньше я, как многие артисты, считал его чем-то второстепенным. Теперь мне кажется, что кино — более честный жанр.

— Какой увиденный спектакль произвел на тебя самое сильное впечатление?

— Для меня главный спектакль — это «Поминальная молитва» с Леоновым. На сцену выходил человек, что-то там бурчал, надевал пепелку и начинал проживать передо мной жизнь! Я забывал, что это театр, сочувствовал ему, переживал... А сегодняшний театр всюду пытается соперничать с видеокulturой. Захаров учил нас, что сейчас клиповое мышление и надо конкурировать, держать марку театра. У меня, конечно, опыт мизерный, но мне кажется, что в театр все-таки идут за живым человеком. Мне один актер рассказывал историю, как он пришел в театр, а у них почему-то не было света в коридорах. И он сказал сам себе: «Где это люди разговаривают естественными голосами? А... вон там сцена!»

Со мной на «ты» переходят мгновенно! «Здравствуйте. Вы артист?» —

«Да». — «Слушай, тут такое дело...»

Был период, когда я очень переживал по этому поводу. Было как-то обидно, что я не нервно-паралитический артист, не Смоктуновский

Данелия... Потом Марк Анатольевич Захаров взял меня на большую роль в спектакле «Фигаро».

— Тебя никогда не обижало то, что люди смеются, глядя на тебя?

— Когда люди смеются над тем, что ты делаешь, это здорово. Я срезался в «Щуке», в «Щепке», во ВГИКе, а у Захарова прошел именно потому, что заставил его смеяться. Я выучил рассказ Хармса «Симфония № 2», где есть такие слова: «Лучше я расскажу о себе. Я высокого роста, меня женщины очень любят...» Еще я читал ему Дениса Давыдова, а до басни дело так и не дошло. Марк Анатольевич сказал: «Спасибо, не надо. Вы сами как из басни!» В итоге он набрал курс, который Граня Стеклова (она тоже у нас училась) называла «курсом уродов».

— Чем ты занимаешься сейчас?

— Дома сижу, книги читаю. Попросили написать картины для офиса, и меня это в какой-то степени захватило. Я ведь окончил театральное-художественное учили-

Досье «ВМ»

Геннадий Назаров. Родился в 1967 г. В 1988 году окончил Театральное художественно-техническое училище, в 1995 году — ГИТИС (курс Марка Захарова). Играл в спектаклях Театра на Малой Бронной «Маленькие комедии», «Пять вечеров», «Ночь перед Рождеством».

Снимался в фильмах: «Необычайные приключения солдата Чонкина», «Курочка Ряба», «Какая чудная игра!», «Орел или решка», «Му-му» и др.

В 1994 году получил приз за лучшую мужскую роль в «Солдате Чонкина» на фестивале комедийных фильмов в Чехии, в 1995 году — приз за лучшую мужскую роль (Санчо Панса в «Дульсинее Тобосской») на фестивале студенческих спектаклей им. Высоцкого, в 1996 году — приз «Надежда» на фестивале «Золотой овен», в 1997 году — «Чайку» за лучшую мужскую роль в «Маленьких комедиях» и приз «Дебют» театрального фонда Смоктуновского, в 1998 году — «Зеленое яблоко» за лучшую мужскую роль в фильме «Какая чудная игра!»

15.6.2000.

Назаров Геннадий